

ПРЕСТОЛ УГОТОВАННЫЙ В ИКОНОГРАФИИ СВ. АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Исследуются иконографические особенности написания Этимасии в иконах Св. Архангела Михаила в образе Грозного Воеводы. Проведенный автором статьи текстологический и источниковедческий анализ позволил выявить богословский, исторический и духовный смысл икон св. Архангела Михаила, а также определить время появления этого сюжета в русской иконописи

Ключевые слова: иконография; Архангел Михаил; престол.

Иконография св. Архангела Михаила в образе апокалипсического всадника на летящем огненнокрылом коне, низвергающего с небес возгордившегося Денницу, не встречается в памятниках церковного искусства до эпохи правления Ивана Грозного. Она получает распространение в широчайшем территориальном диапазоне, став для различных регионов от Поморья до Западной Сибири устойчивой художественной формулой в XVII–XIX вв. В частности, это будет один из самых распространенных сюжетов урало-сибирской иконописи XVIII–XIX вв.

Историография Сибири содержит свидетельства о том, что в числе первых святынь, отправляемых в этот край, были иконы Архангела Михаила. В истории основания первых сибирских городов отмечен характерный факт: в 1592 г. для постройки г. Березова вместе с казацкими отрядами царем Феодором Иоанновичем посланы две иконы – св. Николая и Архангела Михаила, причем детальное описание последней в главном полностью совпадает с ранней иконографической традицией написания образа Грозного Воеводы [1. С. 2].

Проведенный нами источниковедческий и художественно-стилистический анализ большой группы наиболее ранних из известных икон св. Архангела Михаила, связанных своим происхождением с районами Русского Севера, Поволжья, Урала и Западной Сибири, а также резных деревянных икон, позволяют сделать вывод о том, что распространение этого сюжета связано со старообрядческой средой и с теми центрами, где староверы оказывали значительное влияние на духовные традиции и культуру местного населения [2].

Позднее Средневековье ознаменовано появлением в русской иконописи новых сюжетов, в том числе и рассматриваемого нами, в которых авторитет слова подчеркнут особо значимо: наряду с новыми иконографическими решениями в изобразительное пространство икон вводятся объемные блоки текстов. Текстологический анализ надписей, встречающихся на иконах св. Архангела Михаила, позволил установить источник их происхождения, уточнить смысловые особенности содержания образа, а также определить время его появления и ареал бытования.

Исключительную значимость среди всех сохранившихся памятников представляет икона из собрания П.Д. Корина как один из ранних образцов этой иконографии, сохранивший во всей полноте те особенности и детали, которые во многом определяют достоверность прочтения образа. В.Г. Брюсова относит ее к северным письмам 1660-х гг. [3. С. 164]. В атрибуции В.И. Антоновой икона связана своим происхождением с Поволжьем (первая половина XVII в.) [4. С. 121].

Огнеликый Архангел Михаил предстает на иконе всадником с пламенеющими крыльями и облачениями, на огненно-красном крылатом коне.

Образ огневидного Ангела рожден, по-видимому, следующими текстами пророчеств: «**И видел я другого Ангела сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головою его была радуга, и лице его как солнце, и ноги его как столпы огненные**» (Откр. 10, 1), «**лице его – как вид молнии; очи его – как горящие светильники; руки его и ноги его по виду – как блестящая медь...**» (Дан. 10, 6), а также такими эпитетами, которые встречаются в богослужебных текстах: «**И вид твой огнен, и доброта чудна**» (Минея. Ноябрь. 8).

Все атрибуты, которыми наделен в иконе Архангел, имеют воистину царственное значение: царский венец («И дан бысть ему царский венец» (Откр. 6, 2)), золотая кадьница, престол, Крест и Евангелие.

Обратим внимание на некоторые иконографические детали изображения Этимасии, ранее не отмеченные исследователями древнерусской живописи.

Во-первых, Христос Эммануил изображен не восседающим за престолом, но в медальоне, очерченном красной линией, удерживаемом в ладони, простирающейся с небес над престолом. Так, в христианской иконографии изображается зеркало в руке ангелов как непреходящий атрибут ангельского образа.

Во-вторых, левой рукой Архангел держит, помимо мерила орудия страстей Господних, крест, трость и копие, а правой – Евангелие, которое подносит прямо ко престолу.

В-третьих, заметим, что на престоле изображены только две чаши, а изображение Евангелия и орудий страстей отсутствует, поэтому жесты Ангела выглядят как ангельское приношение перед престолом Божиим. А над самим престолом таким образом изображены две ангельские руки.

В византийском и древнерусском искусстве сложилась устойчивая иконография Престола уготованного, или Этимасии (греч. *έτοιμασία* – готовность), включающая в себя следующие образы: *церковный престол*, облаченный обычно в красные одежды (символ Христовой багряницы); закрытое *Евангелие* как символ книги из Откровения Иоанна Богослова (*Откр. 5:1*), лежащее на покрове или багрянце; *орудия страстей* – Копие и Трость, лежащие на престоле либо стоящие рядом; и иногда голубь или *корона*, венчающие Евангелие.

Изображение Престола с двумя чашами – потиром и дискосом, в той иконографии, какая встречается на иконах св. Архангела Михаила, сообщает образу литургическое звучание.

Святые Дары – чаша и дискос – переносятся на престол для совершения главного таинства Евхаристии во время Великого Входа. При соборном служении выносятся еще крест, копие и лжица. Ангельская рука над

чашами, а также орудия страстей Господних – крест, трость и копие, подносимые прямо ко престолу Архангелом Михаилом, свидетельствуют о том, что литургия совершается ангелами. Евангелие в правой руке Ангела, возможно, является напоминанием о совершаемом на литургии оглашенных Малом Входе с Евангелием. Расставленные таким образом иконографические акценты вводят в эту композицию тему Небесной литургии, напоминая об образах ангелов, сослужащих у престола Христу Великому Архиерею и совершающих Великий вход в виде диаконов с евхаристическими сосудами, рипидами и кадилами. Известная в византийском искусстве с конца XI в. на Руси литургическая тематика в росписях храмов будет активно разрабатываться именно в XVI в.

Если основной задачей иконографии Великого входа является стремление показать соотношение земной и небесной Литургии как единство земной и небесной Церкви, то в иконографических нюансах изображения Этимасии на иконе из собрания П.Д. Корина указывается и на особую миссию Архангела Михаила как хранителя и защитника Славы Божией, и на особую близость его к престолу Царя Небесного. Образ Небесной литургии, раскрываемый в центральной молитве церковного богослужения – анафоре, истолковывает и эсхатологическое понимание Божественной Литургии, что находит свое непосредственное отражение в иконографии Св. Архангела Михаила как «эпилог истории, а вместе и пролог будущего века».

Анализ содержания текстов и надписей, сопровождающих образ Св. Архистратига Михаила, говорит о том, что в основе своей они имеют общий источник происхождения – Апокалипсис, или Откровение Святого Иоанна Богослова. Отметим, что рождается не просто собирательный образ, иллюстрирующий фрагменты текста, но стройная богословская концепция, раскрывающая отдельные аспекты догматического учения Церкви.

Текстологической и богословской основой иконографии Св. Архистратига Михаила являются события, описываемые в VI и XII главах:

«Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить» (Откр. 6, 2).

«И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый Дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним» (Откр. 12, 7–9).

Значение этих глав истолковывается как раскрытие неких рубежных предельно напряженных духовно событий.

«С VI главы начинается собственное содержание Апокалипсиса как откровения о судьбах мира в его истории или о становящемся богочеловечестве по пришествию Христа и совершении спасительного Его дела. Эта история символизируется в различных седмиричных образах, соответствующих ее свершениям: семь печатей, семь труб и семь чаш» [5. С. 54].

Война на небесах рассматривается в экзегетике как участие ангельского мира и особо Архангела Михаила

в нашем спасении и искуплении через боговоплощение. Рассматривая низвержение сатаны в христологическом контексте, это событие относят именно ко времени совершившегося сошествия с небес и боговоплощения Иисуса Христа. «Пришло время решительной и окончательной войны с сатаной и воинством его. ...Значит, действительно, такова была угроза и опасность от клеветника, который хотел как бы воспользоваться “сошествием с небес” Сына Божия, чтобы в безумии своем занять Его место, ибо говорил о себе: “взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой. Буду подобен Всевышнему” (Ис. XIII, 14). “И Я низвергну тебя, как нечистого, с горы Божией, изгнал тебя” (Иез. XXVIII, 16). Пролог нашего искупления в небе совершился, путь к небу духовно расчищен, первое его предусловие выполнено» [5. С. 93].

Подчеркивая особую миссию архангела Михаила, автор толкования поясняет: «Намеком на то, что низвержение сатаны находится в связи с боговоплощением, здесь является и то, что во главе воинства небесного стоит Михаил, не только “один из первых князей” (Дан. X, 13), но и “князь великий, стоящий за сынов народа твоего” (XII, 1), избранного Богом, чтобы послужить боговоплощению, породить праотцев Девы Марии, Матери Божией... Это говорит не только вообще об участии всего ангельского мира в деле искупления, в сослужении его служению Христову, но и определенно связывает его и с личным служением ангела-хранителя Израиля, архангела Михаила» [5. С. 91].

Видение семи Ангелов, раскрывающих тайны Второго Пришествия, сосредотачиваются в изображенных на иконе священных предметах, ставших неотъемлемой частью этой иконографии: престол, Евангелие, кадило, труба, которые являют собой образы Торжества Православия и благовестия о том всему миру. Надписи, сопровождающие их, являются повторением или парафразой известных библейских высказываний. Текст, располагаемый рядом с престолом, воспроизводит содержание 44-го псалма: «Престол Твой, Боже, ввек века. Жезл правости, Жезл Царствия Твоего» (Пс. 44, 7) (Евр. 1, 8).

Престол в толкованиях текстов Священного Писания означает Второе Пришествие, Царство Божие. Этимасия, или Престол Уготованный, – образ, заключающий в себе всю суть эсхатологической темы, поэтому неслучайно он как священная печать знаменует оборотную сторону древних икон, замковую часть арок и сводов православных храмов, включается в композицию иных сюжетов, замещая собой развернутое изображение Страшного Суда.

Икона не иллюстрирует те бедствия, которые приносят трубящие Ангелы, как это встречается в Лицевых Апокалипсисах, но явно отображает появление седьмого Ангела, свидетельствующего о наступлении Царства Божьего: **«Но в те дни, когда возгласит седьмый Ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божия...»** (Откр. 10, 7). **«И седьмый Ангел вострубил, и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков»** (Откр. 11, 15).

Наконец, истолкование смысла одного из ангельских атрибутов раскрывается в самой надписи на ико-

нах: «От трубы изыде глас образует второе Пришествие Господне на землю, гром и молнии».

Иконографический анализ этой темы приводит к выводам, на первый взгляд, парадоксальным. Кажущийся парадокс заключается в том, что все ангельские атрибуты, присутствующие в иконе, являются не образами, а знаками *свершившегося* Второго Пришествия. Исключением из этого контекста является лишь одна деталь, в которой, по-видимому, и заключается весь смысл этой иконографии. И эта деталь, на которую мы обратили внимание, рассматривая икону из собрания Корина и ряд уральских старообрядческих икон, сводится к тому, что на престоле рядом со Св. Чашей отсутствует изображение Креста и Евангелия, довершающих образ Страшного Престола. Ангел, держащий недостающие святыни в своих руках, подносит, а в случае с иконой из собрания П.Д. Корина прямо полагает на престол орудия Страстей и Евангелие. Таким образом, мы видим на иконе *последние приготовления перед Страшным Судом* в виде приношения главных святынь на престол. Образное понимание эпитета «престол уготованный» – готовый, приготовленный – находит здесь буквальное отображение в виде приготовления престола до его надлежащего вида. К сожалению, именно эти иконографические детали, составляющие все смысловые акценты, исчезают, забываются в подавляющем большинстве икон более позднего происхождения. В основном в иконах XVIII–XIX вв. сохраняется типичная иконография Этимасии, нивелирующая эти совершенно особенные смысловые оттенки содержания образа.

Таким образом, общий духовный смысл иконы можно определить, действительно, как отображение в исключительно значимых образах атмосферы последних приготовлений к самому таинственному событию вселенской истории и выполнение «предусловий» его свершения. «Итак, это еще не суд, окончательный и последний, а лишь итог последнего столкновения зверя и лжепророка с воинством Христовым, которое преодолевает врагов своих, обессиливает и упраздняет. Побеждает Евангелие. ...Мир оказывается, таким образом, приготовлен к вступлению в последний акт своей истории. То, что наступает теперь, есть эпилог истории, а вместе и пролог будущего века, его преддверие...» [5. С. 174]. Предуготовливая Второе Пришествие, Архангел Михаил побеждает врагов христианства, приготавливая престол Царя Небесного для Судного дня.

Так величественно и ясно иконография запечатлела пролог неизреченной тайны.

Появление зримых образов Страшного Суда в иконе может быть обусловлено тем, что формирование идейной концепции, порождающей к жизни столь необычное, продуманное в мельчайших деталях иконографическое решение связано с эпохой напряженного духовного ожидания «последних времен». Активное развитие эсхатологической тематики в Заонежье и Поморье вскоре после церковного раскола особенно характерно для старообрядческой среды, откуда происходит, пожалуй, большая часть древних икон Архангела Михаила.

Рассмотренные выше аспекты прочтения иконографического замысла раскрывают значимые, существен-

ные стороны ее понимания, но, как мы увидим, окончательные выводы можно сделать только в контексте уточнения смысла той надписи, которая встречается на верхнем поле в самых ранних по происхождению иконах Архангела Михаила, в том числе и на иконе из собрания П.Д. Корина [2. С. 155]. В наиболее распространенной редакции он начинается словами: «Небеснаго Царя крепкий сильный страшный воевода Архистратиг Михаил, предстатель престола Божию...».

Нами установлено, что текст соединяет в себе главные мысли и образы «Канона и молитвы Ангелу Грозному Воеводе Парфения Уродивого», приписываемого Ивану Грозному и используемого ранее в богослужебной практике: «Канун ангелу грозному, и воеводе, и хранителю всех человек, от Вседержителя бога посланному по вся душа человеческая. Ты же, человеке, не забывай часа смертного: пой по вся дни канун сей творение Уродиваго Парфения» [6. С. 372].

В основе текста, перешедшего на икону, – кондак, глас 5: «Небеснаго царя воевода и предстатель престолу Божию и творитель воли Господни и совершитель заповедей Его, не лишиши ся славы велелепныя и прославишися, скоро пленяеши и не замедлиши николи же. Всюду готов стоиши, и храбруеши, и зла не убоишья, ни стара отриеши ни млада отступиши. Вся имеши и ведеши в место покойно. И мене помилуй грешнаго и окаяннаго имрек, да поем ти аллилуйя».

Страшным грозным посланником Небесного Царя именуется Архангел Михаил в каноне: «Молю ти ся, **страшный и грозный посланниче вышняго царя, воевода**, – весело возриши на мя окаяннаго, да не ужаснуся твоего зрака и весело с тобою путешествую» (Песнь 4, ирмос «Христос мне»). Отсюда следует, что само наименование иконографии «Воевода Архангел Михаил», «Михаил Архангел – грозных сил воевода» определено текстами канона.

Главное содержание канона, как явствует из его названия, заключается в молении к Ангелу-Хранителю не оставить душу человеческую в страшный судный час, уведомить ее о приближении оною, дать подготовиться по-христиански к нему. В самом начале канона мысль об этом звучит очень ясно: «Прежде страшнаго и грознаго твоего ангеле, пришествия умоли о мне грешнем о рабе твоём имрек. Возвести ми конец мой, да покаюся дел своих злых... Напой мя, ангеле, чашею спасения. Святыи ангеле, да мя напоиши чашею спасения и весело теку во след твоему хождению и молюся – не остави мене сира» (Песнь 8, ирмос).

Тема служения престолу Божьему обращает наше внимание на историческую традицию почитания св. Архангела Михаила представителями русских княжеских родов и Царской династии Романовых [7]. Св. Архистратиг Михаил считался небесным покровителем и хранителем княжеского и царского родов, российского Престола и Православного Царства как Богоданной власти.

В каноне и других богослужебных текстах Архангел Михаил постоянно именуется «предстателем престолу Божию»: «Царя Небеснаго слуга и предстатель престолу Божию». Этот, один из наиболее часто употребляемых в молитвах к Архангелу эпитет, позволяет понять смысл той необычной иконографической детали, на которую мы обратили внимание ранее, исследуя

икону из собрания Корина. Очевидно, появление изображения над престолом ангельской руки, держащей зеркало с образом Христа Эммануила, обязано желанию подчеркнуть особо это непосредственное сослужение Христу Архангела Михаила у престола Божьего как хранителя души человеческой, как «проводника» человека через «вся двадцать мытарств» к Престолу уготованному и последнего заступника за него пред Господом.

Включение текста канона в икону придает ее содержанию сугубый характер.

Прикасаясь к самым сокровенным религиозным тайнам, икона, будучи чужда абстрагированию, сосредотачивает духовный взор, обращаемый к ней, на понимании Страшного Суда каждым христианином как суда над собой, над своей душой. Прежде всего, икона обращена к душе каждого человека, имея по сути своей келейный характер, на что указывают, в частности, имеющиеся в каноне вставки – «имрек». Сугубо личная молитва о спасении души своей, обращенная к последнему заступнику у престола Судного Архангелу Михаилу, одолевшему мировое зло. Так, в иконе соединяется сокровенное, личное, осознанный трепет о вечной участи своей бессмертной души и прозрение вселенского будущего.

Присущее христианскому сознанию «чувство вечной жизни» объясняет на первый взгляд невозможное сочетание грядущего, ожидаемого исторического будущего, апокалипсических перспектив с образами свершившегося Второго Пришествия.

Сама возможность Страшного Суда *прежде и помимо Парусии* рассматривается мистическим богословием как реальность, явленная святым, реально познавшим и принявшим в себя божественную благодать

при жизни своей на земле. «Это сознание в нас благодати, сознание присутствующего в нас Бога обычно называется «гносисом» или духовным познанием, которое святой Исаак Сирий определяет, как «чувство вечной жизни» или «чувство сокровенных вещей». Гносис устраняет всякое ограниченное сознание... Совершенный гносис есть созерцание Божественного света Пресвятой Троицы; это – полнота сознания, это – парусия, суд и вхождение в жизнь вечную, совершающееся, как говорит святой Симеон Новый Богослов, уже здесь, на земле, до смерти и воскресения, в святых, живущих в постоянном общении с Богом» [8. С. 186].

Этим «чувством сокровенных вещей» и непоколебимой верой в спасение в борьбе со всякого рода злом пронизано духовное звучание иконы Архангела Михаила – Грозного Воеводы.

Происхождение иконографии связано, несомненно, с эпохой митрополита Макария, когда в иконописи появится ряд новых, актуальных своему времени тем. Учитывая авторство канона, нельзя не предположить возможную связь иконы с личностью Ивана Грозного, с эпохой триумфа русского самодержца, когда вскоре после взятия Казани это событие ознаменует рождение новых шедевров древнерусской культуры, не имеющих себе аналогов, в том числе будет написана икона «Благословенно воинство Небесного Царя». Именно на ней впервые появляется образ Архангела Михаила – крылатого всадника в царском венце на крылатом коне, ставшего основой самостоятельной иконографической концепции. Примечательно, что в описи Успенского собора 1627 г. икона «Благословенно воинство...» названа «Образ Пречистые Богородицы и Грозного Воеводы» [9. С. 207].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулоцкий А.И. Описание наиболее чтимых икон Тобольской епархии. СПб., 1864. 117 с.
2. Остапенко С.С. Иконография св. Архангела Михаила в урало-сибирской иконописи // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. / Под ред. Е.Ф. Фурсовой. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 155–171.
3. Брюсова В.Г. Русская живопись 17 века / Ред. Ю.П. Маркин. М.: Искусство, 1984. 339 с.
4. Антонова В.И. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М.: Искусство, 1966. 352 с.
5. Прот. Сергей Булгаков. Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования). М., 1991. 237 с.
6. Лихачев Д.С. Канон и молитва Ангелу Грозному Воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Исследования по древнерусской литературе / Отв. ред. О.В. Творогов. СПб.: Наука, 1986. С. 361–378.
7. Мальцев М.В. Явления св. Архангела Михаила в Русской Земле // Православие и русская народная культура. М., 1993. Кн. 2. С. 6–43.
8. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. 288 с.
9. Кочетков И.А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая» // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1985. Т. 28. С. 185–209.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 3 августа 2008 г.